

§7 ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Филиппова Е. И.

ТРИ ДНЯ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ФРАНЦИЮ

Аннотация. Статья представляет case-study событий 7–11 января 2015 г. во Франции: террористической атаки на редакцию еженедельника CharlieHebdo, убийства полицейских, захвата заложников, а также массовых манифестаций, получивших название Республиканского марша. Используемый метод анализа из ряда вон выходящего случая (outliercase), т. е. экстремальной, нетипичной, девиантной ситуации, позволяет обнаружить скрытые общественные процессы и явления, а также предложить их объяснения. Исследование основано на комплексе источников: свидетельствах очевидцев, публикациях во французских СМИ, фото- и видеоматериалах, заявлениях официальных лиц. Кроме того, используются материалы государственной статистики и результаты массовых опросов, проведенных различными французскими социологическими службами, а также качественные данные, собранные автором во Франции в период с 2004 по 2014 гг. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. Основным результатом исследования является доказательство несостоятельности распространенной в российской научной литературе точки зрения о религиозной или культурной природе подобных конфликтов, разрешение которых увязывается с ужесточением миграционной политики и усилением мер безопасности. Выявлены «зоны риска»: городские предместья, государственные школы, пенитенциарные учреждения, требующие неотложных кардинальных реформ, общественного внимания и инвестиций. Существует угроза роста радикальных настроений, нетерпимости, ксенофобии, симпатий к идеологии крайне правых. Сделан вывод: общественная безопасность не может быть обеспечена без укрепления гражданского согласия и национального единства. Массовые манифестации 11 января

свидетельствуют о способности французского общества к мобилизации перед лицом угрозы, этот потенциал необходимо использовать.

Ключевые слова: Конфликтология, Франция, терроризм, радикальный ислам, городские предместья, свобода, безопасность, республиканский марш, республиканские ценности, школа.

Review. The article explores the events of January 7-11, 2015 in France: the terrorist attack on the editorial board of the weekly, "Charlie Hebdo", the killing of police officers, taking of hostages, as well as the mass manifestations known as the Republican march. The methods of analysis of this «outlier case», i.e. extreme, atypical, deviant situation, examined in this article, reveal hidden social processes and phenomena, as well as offer some explanations as to the reasons of those events. The study is based on a variety of sources such as eyewitness accounts, French mass media, photo- and video materials, official statements, public statistics, and results of mass surveys conducted by various French sociological organizations, as well as qualitative data collected by the author in France in the period from 2004 to 2014. The methodological basis of the study constitute a systemic, structural-functional, comparative-historical, comparative political, geopolitical, cultural and civilizational approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, observation. This study rejects an opinion widespread in Russian scholarship about the religious and cultural nature of this type of conflict, it also rejects the proposed methods of solving such conflicts by tightening immigration policy and enhancing security measures. The study identifies the «risk zones»: city suburbs, public schools, and prisons, which require urgent radical reforms, public attention and investment. The study warns about the real possibility of an escalation of radicalism, intolerance, xenophobia, and sympathy for the ideology of the extreme right groups. The study concludes that public safety cannot be achieved without the strengthening of civil and national unity. The mass manifestations of January 11 demonstrated the ability of French society to unite in front of the threat and challenges, and this potential should be further employed.

Keywords: security, freedom, the city suburbs, radical Islam, terrorism, France, Conflictology, republican march, republican values, school.

ХРОНИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ

7 января 2015 года. В тесной комнатухе редакции еженедельника «Charlie Hebdo» идет заседание редколлегии. Сотрудники в отличном настроении, некоторые только что вернулись из отпусков, принесли с собой угощение, чтобы отпраздновать новый год, — рассказывают случайно уцелевшие. Все шутят, смеются, строят планы. На улице раздаются какие-то хлопки, которые собравшиеся принимают за взрывы петард: обычное дело в послепраздничные дни. Когда внезапно распахивается дверь и на пороге появляется человек в черном капюшоне с автоматом наперевес, выкрикивая «Аллах акбар», это вторжение поначалу принимают за розыгрыш, но сильный запах пороха мгновенно рассеивает эту иллюзию. А дальше все превращается в кошмар. Стрельба, трупы, раненые. Погоня, захваты заложников, стрельба по полицейским. 17 смертей (20, если считать и уничтоженных террористов): самый кровавый теракт в стране за последние

40 лет, по данным французских СМИ. Три дня неопределенности и ужаса: что еще задумали террористы, сколько у них сообщников? Где «рванет» в следующий раз? Уровень тревоги поднят до максимального, улицы французских городов наводняют полицейские, жандармерия и даже военные.

Одновременно на те же улицы выходят обычные люди: десятки, сотни тысяч в Париже и Марселе, в Тулузе и Нанте, в Бретани и на Корсике... В день Республиканского марша, 11 января, их число по всей стране, включая ее заморские территории, достигнет почти четырех миллионов. Христиане, мусульмане, евреи, атеисты. Молодые и старые. Мужчины и женщины. «Левые» и «правые». Их никто не организывает «сверху», их порыв спонтанен. В стране объявлен национальный траур — редчайший случай в истории Пятой республики. До этого национальные флаги приспускались только после смерти Де Голля, Помпиду и Миттерана и в последний раз — в 2001 году, после атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке. Волна

солидарности с народом Франции прокатилась по многим странам мира, а их лидеры поспешили в Париж, чтобы продемонстрировать ее на месте.

Но вот позади Республиканский марш, отданы последние почести погибшим, зарубежные гости разъехались по домам, а французы проснулись в стране, которая, по мнению многих из них, «уже никогда не будет прежней». Так ли это, и если да — то что это значит, и как теперь жить в этой другой стране?

В стране, где действующая власть предлагает расширить полномочия спецслужб, предоставив в их распоряжение более совершенное оборудование для прослушки, и усилить контроль над интернетом, «умеренная» оппозиция выступает за вооружение муниципальных полицейских летальным оружием, ужесточение миграционного законодательства и возможность лишения гражданских прав, а радикальная — за восстановление смертной казни, где многие предлагают начать общественную дискуссию о соотношении свободы и безопасности и присматриваются к американскому антитеррористическому закону (Patriot Act). В стране, где за две недели, прошедшие с 7 января, зарегистрировано сто с лишним актов агрессии против мусульман (от символических, вроде подбрасывания свинных голов к воротам мечети, до вполне реальных поджогов, взрывов гранат и нападений на людей). Где за то же время вынесены и приведены в исполнение с десятков приговоров к заключению в тюрьме строгого режима, сроком от нескольких месяцев до четырех лет, в отношении лиц, публично выразивших солидарность с террористами, и еще более 50 аналогичных дел находятся в производстве.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ОПАСНОСТИ

Российские СМИ перепечатали 17 января из французской «Фигаро» результаты опроса, проведенного частным агентством *Odoxa*. Из него следует, что 76% французов согласны с принятием «исключительных мер» против терроризма, а значит, комментируют российские журналисты, они готовы поступиться частью своей свободы в обмен на безопасность. Есть, однако, и другие опросы, организованные в те же дни более опытными и авторитетными службами. Так, по данным французского фили-

ала британского агентства *YouGov*^[1], 89% опрошенных французов считают, что свобода прессы является фундаментальной республиканской ценностью, и ее нужно обеспечить «любой ценой». Что касается принятия «мер, ограничивающих свободу каждого во имя защиты свободы всех», то к ним готовы отнестись с пониманием 51% опрошенных. Эта готовность, однако, уменьшается, когда та же мысль формулируется иначе: с утверждением «я готов к тому, что моя свобода может быть ограничена в интересах общего блага» согласны уже только 43% опрошенных, тогда как 44% высказались против.

Согласно опросу Французского института общественного мнения — IFOP^[2], теракт не повлиял на общее отношение к мусульманской общине. Как и во время опроса в декабре 2010 г., 66% считают, что мусульмане — мирное население Франции, и только радикальные исламисты представляют угрозу. Эта точка зрения еще более распространена среди сторонников социалистов и Левого фронта (более 80%), а вот две трети избирателей Национального фронта склонны не доверять мусульманам в целом. Тот же опрос выявил действительно существенные изменения в том, что касается ощущения угрозы, нависшей над французским обществом. За неделю, прошедшую с предыдущего замера, доля тех, кто считает, что угроза высока, выросла с 80 до 93%, а оценивших ее как «очень высокую» — и того сильнее: с 18 до 49%. На сайте IFOP приведены для сравнения данные за март 2012 года: тогда, сразу после ликвидации «тулузского стрелка» М. Мера, только 53% опрошенных назвали угрозу высокой.

Однако помимо угрозы терроризма есть и другая, не менее серьезная угроза: раскола в обществе по религиозному принципу, роста нетерпимости, ксенофобии, симпатий к идеологии крайне правых. Большинство французских политиков, аналитиков и обычных граждан осознают это. Сигналы того, что во французском обществе что-то не так, поступали и раньше. Из недавних, хорошо запомнившихся, — выступления сторонников и противников ношения хиджаба зимой 2004^[3] и волнения во французских пригородах осенью 2005 г.^{[4], [5]}. Как в тех, так и в других событиях многие, особенно внешние наблюдатели увидели «культурно-цивилизационные» корни, интерпретируя их как

столкновение христианских и мусульманских, или европейских и неевропейских ценностей. Заговорили о неэффективности французской интеграционной модели и о крахе политики мультикультурализма — не принимая во внимание того факта, что Франция, в отличие от ряда других стран, никогда не проводила такую политику, не признает на своей территории меньшинства, не ратифицирует Европейскую хартию о языках и пуще всего опасается эксцессов «коммунитаризма», т.е. общинности.

Я уже писала об этом прежде ^[6], но повторю еще раз: проблема лежит не в плоскости культуры, религии или миграции. Налицо системный кризис капиталистического способа производства, подрывающий основы не только социального государства, но и государства-нации. Социально-политическое устройство мира перестало соответствовать потребностям экономики, а значит, неизбежны передел сфер влияния и борьба за ресурсы. На наших глазах подвергаются пересмотру нормы международного права, нарушаются границы и суверенитет государств, теряет влияние ООН, не справляясь с ролью межгосударственного арбитра. Меняются способы и правила ведения войны, регулярные армии оказываются беспомощными в отражении террористических атак, а ведущиеся под знаком борьбы с терроризмом боевые действия на Ближнем Востоке и в Африке не только несут неисчислимы бедствия населению этих регионов мира, но и порождают все новых и новых террористов. Похоже, уже никто и нигде не может чувствовать себя в безопасности. Бесплезно, по примеру Саудовской Аравии, уповать на защиту рвов с колючей проволокой, невозможно приставить вооруженную охрану к каждой мечети, синагоге или церкви, к каждой школе или редакции, или установить повсюду видеокамеры и прослушивающие устройства. Не поможет введение цензуры и поощрение доносов на соседей. Поздно закрывать границы (тем более что безнадежность таких попыток очевидна из исторического опыта) — ни для опасных идей, ни для оружия они не преграда. Нужно честно признать, что границы, зачастую непроходимые, существуют внутри государств, а это значит, что нет общих ценностей и взаимопонимания, общепринятых норм и правил, в конечном итоге, нет ни солидарности, ни равенства, ни братства.

ЗОНЫ РИСКА: НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЕ КВАРТАЛЫ, ШКОЛЫ, ТЮРЬМЫ...

В эти дни, когда многие французы задают себе вопрос: как дальше жить вместе? — некоторые предостерегают от невнимания к тревожным процессам, идущим в обществе и провоцирующим в нем раскол. Следует прислушаться к этим голосам, чтобы избежать новых жертв.

Одна из больных тем — городские предместья, так называемые *banlieues*. Еще в 1995 году был принят закон о благоустройстве и развитии территорий, определивший статус так называемых «неблагополучных городских зон», характеризующихся низким качеством жилья и острой нехваткой рабочих мест — в основном это кварталы, застроенные многоэтажками в 1950–1970-е гг. К 2006 г., по данным Национального института статистики (INSEE), в официально утвержденном списке было 750 таких зон, и в них проживали 4,4 миллиона человек, что составляло 7% населения страны ^[7]. Уровень безработицы в 2012 г. достиг здесь 24% (в среднем по стране — около 10%), а среди молодежи от 16 до 25 лет — 45%, средний годовой доход в том же году был вдвое меньше, чем за пределами «неблагополучных зон», а доля живущих за чертой бедности — втрое выше. Для 28% единственным источником дохода были социальные пособия. Неудивительно, что и гражданское сознание в таких предместьях выражено слабо, о чем говорят как низкая явка на выборах, так и не слишком активное участие в Республиканском марше. «Республика для них — это химера, — говорит президент футбольного клуба в пригороде Лиона. — Мы слишком долго, годами не обращали внимания на эти зоны. Еще лет тридцать назад говорили о тех, кто молится в подвалах, — но ничего не изменилось и сегодня. В стране существуют подпольные, не наши ценности, и есть люди, живущие рядом, но не вместе с нами. Религиозная радикализация — следствие этого» ^[8].

В декабре 2014 года на экраны вышел фильм «Аллах, храни Францию», снятый по одноименной автобиографии знаковой фигуры французского рэпа Абд Аль Малика. Он подробно описывает, как исламские проповедники из-за рубежа вовлекают в свои сети молодежь и подростков, ищущих простые и убедительные ответы на сложные вопросы, которые ставит перед

ними жизнь. Как формируют из них группы, отправляющиеся «по дороге Аллаха», вербовать все новых и новых приверженцев ислама как во Франции, так и в других европейских странах. Он вспоминает, в частности, о своей встрече с тремя участниками движения Джамаат Таблиг, запрещенного во многих странах (в том числе в России). «Вернувшись домой, я не переставал думать об этой встрече, — пишет автор. — На следующий же день я рассказал о ней брату и быстро уговорил его «выйти на дорогу Аллаха». Вскоре мне удалось убедить присоединиться к движению Мухаммада Ильяса ребят из нашей рэп-группы, а потом и нескольких братьев из числа тех, кто собирался вместе с нами в мечети по субботам. (...) Спустя неделю после встречи с тремя проповедниками мы уже были джамаатом, объединявшим десяток очень решительно настроенных и готовых пуститься в путь людей»^[9]. К счастью для Абд Аль Малика, чья природная тяга к знаниям и усердие в учебе позволили ему не только блестяще окончить школу, но и получить университетский диплом по философии, он вовремя разочаровался в догматической и не приемлющей инакомыслия идеологии Джамаата Таблиг и отошел от движения — но как велико число тех, кто по-прежнему в строю? А ведь эта структура — не единственная.

Уже неоднократно отмечалось, что в семьях иммигрантов во Франции дети более склонны к радикальным формам ислама, чем родители. Тому есть несколько объяснений. Во-первых, старшее поколение не понаслышке знает, что значит жить в мусульманской стране (многие сознательно уехали в Европу, соблазнившись демократическими ценностями), тогда как для молодежи, родившейся во Франции, ислам нередко становится своего рода спасательным кругом, удерживающим от алкоголя и наркотиков. Во-вторых, ислам претендует на роль «народной» религии, он отвергает единоначалие и иерархическую вертикаль, в нем множество течений — и это привлекает новых адептов, в том числе переманивая их из других конфессий. В-третьих, молодым свойственны поиски если не смысла жизни, то, по крайней мере, — примеров для подражания. Одни ищут свои «корни», и ислам для них — это религия предков, интерес к которой имеет ностальгическую окраску.

Другим необходимо чувство братства, принадлежности к группе «своих». Третьим хочется испытать себя, хочется подвигов и героизма (вспомним «Балладу о детстве» В. Высоцкого: «... а в подвалах и полуподвалах/ребятишкам хотелось под танки...») — а радикальные идеологии предлагают и опасные испытания: участие в подпольных организациях, чтение и распространение запрещенной литературы, обучение подрывному делу и владению оружием, — и жертву во спасение. Все это и составляет «альтернативные ценности», зачастую более притягательные, чем обманчивые обещания равенства и братства, поскольку зерна падают на подготовленную почву.

В этих условиях школа, традиционно бывшая основным механизмом интеграции, проигрывает битву за умы и души подрастающего поколения. Причем это не только французская беда: с агрессивным неуважением к авторитету учителя, девальвацией ценности знаний, насилием и жестокостью среди учеников сталкиваются школы во многих странах (и наша — не исключение). Многие учителя, особенно молодые и неопытные, попросту не справляются с такой ситуацией. Не в последнюю очередь потому, что сами не уверены в оценках и трактовках, находятся в плену «тирании покаяния», боятся обращаться к «острым» проблемам, политкорректно закрывают глаза на вызывающее поведение подростков (которые, кстати, иногда ждут от учителя жесткой реакции на провокацию, ибо она позволяет им очертить границы дозволенного).

По данным министерства образования на 14 января, во французских школах было зарегистрировано около двухсот инцидентов, связанных с терактами, причем в 40 случаях администрация была вынуждена обратиться к полиции. В основном эти инциденты произошли во время минуты молчания в память о жертвах, объявленной по всей стране 8 января: где-то ее освистали, как прежде освистывали Марсельезу на футбольных стадионах, где-то выкрикивали «Аллах акбар», где-то исписали оскорблениями и угрозами листы, предназначенные для выражения соболезнования. Некоторые ученики открыто восхищались террористами, а иные отказались от участия в мероприятии «во имя свободы самовыражения». «На пере-

мене мальчишки спрашивают друг друга: а ты за террористов или за французов? — рассказывают корреспонденту газеты *Le Parisien* две школьницы. — Можно подумать, речь идет о футбольном матче»^[10]. «Что нам делать с этими детьми?» — спрашивают учителя. Как разговаривать с теми, кто не сочувствует жертвам, а восхищается «мучениками ислама»? С теми, кто черпает информацию в социальных сетях и верит всему, что там написано — например, слухам о заговоре, о том, что за терактами стоят некие исламофобские группы, действовавшие при попустительстве полиции (те же слухи ходили после 11 сентября 2001 года)? Несмотря на то, что Министерство образования фактически вменило в обязанность учителям и директорам школ провести с учениками беседы на тему терактов, некоторые признаются, что не стали этого делать, ощущая свою беспомощность; другие попытались выполнить распоряжение, но не сумели установить диалог, столкнувшись с отторжением со стороны учеников, третьи услышали такие высказывания, которые повергли их в отчаяние.

Еще одной зоной, где вызревает Зло, являются тюрьмы, в которых осужденные за незначительные преступления оказываются бок о бок с закоренелыми бандитами, террористами и радикальными исламистами (именно в тюрьме нашли друг друга Шериф Куаши и Амеди Кулибали). Социальный педагог, работающий с освобожденными из тюрем, смотрит в будущее с тревогой: «Это люди, утратившие социальные навыки и ориентиры. Они с ненавистью говорят о Франции и ее ценностях. И их гораздо больше, чем думают многие. В тюрьмах есть проповедники, подлые люди, которые вербуют молодых. Нужно работать, делать все, чтобы им помешать»^[11]. Премьер-министр М. Вальс уже заявил 12 января, что одной из «исключительных мер» по борьбе с терроризмом станет изоляция радикальных исламистов от других заключенных, чтобы они не могли распространять свою идеологию.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Печальнее всего то, что названные выше проблемы давно ни для кого не секрет. На эту тему написаны хорошие, правильные книги (одна из лучших — переведенная на русский язык

повесть-автобиография Д. Пеннака «Школьные страдания») и сняты талантливые фильмы, заслуженно увенчанные лаврами престижных премий. Есть обстоятельные и подробные научные исследования, фиксирующие социальное неблагополучие, неравенство и дискриминацию. Выводы неутешительны: «В Республике, провозглашающей равенство прав и возможностей, [молодые французы иммигрантского происхождения] ежедневно сталкиваются с нарушением их прав: дискриминацией со стороны полиции и органов правосудия, по месту учебы и работы. Эта дискриминация связана, в том числе, с их религиозной принадлежностью, поскольку мусульманское происхождение зачастую ассоциируется с приверженностью радикальному исламу. Такая дискриминация части населения по этническому признаку противоречит республиканским принципам и представляет угрозу для национального единства ... Если наши пригороды пока нельзя назвать гетто, они постепенно в них превращаются, из-за того, что к части их обитателей, в первую очередь к молодежи иммигрантского происхождения, относятся как к гражданам второго сорта»^[12]. «Гетто» и даже «апартеид» — эти шокирующие для французского общества слова прозвучали из уст М. Вальса еще 10 лет назад, во время беспорядков во французских предместьях. Но к ним тогда не прислушались. На днях М. Вальс, уже в ранге премьер-министра, вновь повторил их. Возможно, теперь к ним отнесутся серьезнее.

Было бы несправедливо сказать, что правительство ничего не делает для улучшения ситуации. С 1981 года существуют «зоны приоритетного внимания к образованию», их география и концепции меняются, но эффективность их признана невысокой. После событий осени 2005 года активизировались проекты развития неблагополучных кварталов, было создано Национальное агентство по социальному согласию и равенству возможностей. К 2008 году наметились определенные сдвиги в лучшую сторону (снижение безработицы, рост доходов), но тут грянул экономический кризис, и показатели опять ухудшились, к тому же была сокращена или вовсе прекращена финансовая помощь общественным организациям, игравшим важную роль в установлении гражданского диалога.

Нынешнее правительство в марте 2014 года создало новую структуру — подчиненный премьер-министру Генеральный комиссариат по равенству территорий, а с нынешнего года на смену устаревшим и не слишком удачным программам пришла новая политика урбанизма^[13]. Ее принципиальные отличия состоят, во-первых, в установлении единого (и единственного) критерия отнесения территорий к «кварталам приоритетного внимания» — это уровень доходов населения. Такой подход, по замыслу разработчиков, позволит, с одной стороны, не распылать бюджетные средства, а направить их на помощь действительно нуждающимся, а с другой — включить в программу не только городские предместья, но и удаленные депрессивные сельские коммуны. Второе важное отличие — активное вовлечение самих жителей в разработку и реализацию программ развития, для чего предусмотрены гражданские советы, коллегии представителей, а также поддержка инициатив «снизу» с помощью целевых грантов. Из государственного бюджета на улучшение городской среды за ближайшие три года будет направлено 5 миллиардов евро, еще 15 предполагается привлечь из муниципальных бюджетов. Кроме того, «кварталы приоритетного внимания» (их около 1300) получают от 25 до 30% государственных ассигнований на образование, создание новых рабочих мест, развитие транспорта, на безопасность и культуру. Силы и средства мобилизуются огромные, основной вопрос — удастся ли, действительно, вовлечь население, особенно молодежь, в совместную работу, перейти от политики помощи, формирующей иждивенчество и апатию, к политике наделения полномочиями, предполагающей активную и ответственную жизненную позицию.

Еще один существенный вопрос — самоорганизация мусульманской общины для организации отпора радикальным исламистам и для работы с молодежью. Если этого не произойдет, если борьба с терроризмом будет исключительно прерогативой спецслужб и полиции, то она обречена на поражение. Среди французских мусульман немало авторитетных и популярных фигур — артистов, певцов, спортсменов, общественных деятелей. Некоторые из них уже заявили о своей позиции, другие, наверное, сделают это в недалеком будущем. Есть надежда, что продол-

жится работа по модернизации ислама, которую ведут мусульманские богословы и философы.

Очень многое по-прежнему зависит от школы. От опыта и мудрости учителей, их личного мужества и преданности светским республиканским идеалам. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать одного из учителей, написавшего в своем блоге о задачах современной школы: «Одна из основных миссий школы в XXI веке — научить формировать собственное суждение, а не просто обучить чтению, счету и письму, как хотелось бы думать некоторым. Мы должны с самого раннего возраста помогать нашим ученикам яснее видеть, различать факты, мнения и ценности, понимать Красоту, Добро и Истину — что не одно и то же, уметь поставить себя на место другого, не путать сотрудничество с подчинением, а самостоятельность мышления и уникальность личности — с индивидуализмом... Эта задача полностью оправдывает обсуждаемый проект морального и гражданского воспитания в сочетании с дискуссионной, диалогичной педагогикой. Она оправдывает также трансформацию программ по французскому языку, которые нужно освободить от излишнего техницизма и развернуть в сторону антропологического размышления на основе Литературы. Нужна и новая концепция преподавания истории, которая должна быть не «национальным романом», о котором грезят некоторые, а, напротив, сочетанием истории Франции с мировой историей»^[14]. Ф. Олланд объявил 21 января о плане реформирования школьного образования, в центре которого — усиленное внимание к воспитанию учащихся в духе уважения к республиканским ценностям и, в первую очередь, принципу секуляризма.

Фотографии и репортажи с Республиканского марша внушают осторожный оптимизм. Основной его источник — способность французского общества к спонтанному порыву, гражданской солидарности, презрение к страху, умение смеяться, когда не смешно. Но не слишком ли хрупко и мимолетно кажущееся единство? Как не упустить шанс и извлечь правильные уроки из случившейся трагедии? «Когда улягутся эмоции и жизнь войдет в обычную колею, может наступить жестокое разочарование, — предупреждает алжирский писатель Буалем Сансаль. — Нужна кропотливая и дол-

гая работа всего общества, невзирая на политические разногласия. Нужно понять, что корни происходящего — в том, что происходит, и уже давно, в самом французском обществе и на международной арене, в отношениях Европы с арабскими и мусульманскими странами»^[15].

Три дня, которые потрясли Францию, заставляют задуматься о многом. В частности — о том, что правящий класс не сделал должных выводов из стихийных беспорядков осени 2005 года, зато такие выводы явно сделали радикальные исламисты. И еще о том, что меры по усилению безопасности сами по себе недостаточны, если они не сопровождаются мерами по усилению гражданского согласия. В обществе, раздираемом внутренними противоречиями, нетрудно посеять смуту или найти

недовольных. И если десять лет назад мы наблюдали спонтанный эмоциональный протест, кураж опьяненной безнаказанностью толпы, то сегодня — тщательно спланированную, жестокую и прицельную акцию фанатичных одинок. Террор — давний и испытанный метод, цель которого — запугать и деморализовать противника. 11 января французы вышли на улицы, чтобы показать самим себе, что они все еще Народ. Пока есть Народ, страну еще можно спасти. Только действовать нужно быстро и решительно, чтобы не опоздать.

Статья написана при поддержке гранта РНФ 14–18–03090 «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. <http://recherche.yougov.fr/news/2015/01/15/resultats-du-barometre-yougov-france-le-huffington/>
2. http://www.ifop.com/?option=com_publication&type=poll&id=2905
3. Филиппова Е. И. Французы, мусульмане: в чем проблема? Этнографическое обозрение, 2005, № 3.
4. Филиппова Е. И., Филиппов В. Р. Государство и общество перед лицом социального кризиса (две парадигмы: российская и французская). В кн.: Тишков В. А., Филиппова Е. И. (отв. ред.). Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. Москва, 2006. С. 12–25.
5. Филиппова Е. И. Влияние научного дискурса на процессы идентификации и самоидентификации населения (по поводу событий осени 2005 года во Франции и их освещения во французской и российской печати). В кн. Амелин В. В. (отв. ред.). Этнический фактор в многонациональном приграничном регионе. Оренбург, 2007. С. 110–122.
6. Филиппова Е. И. Что происходит во Франции // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 63. С. 7–8.
7. http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?id=3131*_id=0
8. <https://fr.news.yahoo.com/surprise-banlieue-peu-manifest%C3%A9-selon-acteur-associatif-163839237.html>
9. Abd Al Malik. Qu'Allah benisse la France. Edition Kindle. P. 1203
10. <http://www.leparisien.fr/societe/education-nationale-t-es-pour-les-terroristes-ou-pour-les-francais-13-01-2015-4442823.php>
11. « Libération », 12.01.2015. P. 10
12. Castel R. La discrimination négative Le déficit de citoyenneté des jeunes de banlieue. Annales. Histoire, Sciences Sociales 2006/4. P. 777–808
13. http://www.territoires.gouv.fr/IMG/pdf/dossier_de_presse-nouvelle_politique_de_la_ville.Pdf
14. <http://blog.educpros.fr/Jean-Michel-Zakhartchouk/2015/01/09/je-suis-charlie-bien-sur-mais-que-faire-a-lecole/>
15. http://www.lexpress.fr/actualite/societe/boualem-sansal-a-ce-point-la-passivite-des-musulmans-est-mortelle_1640086.html#usXfY3Egd300DO6R.99
16. Филиппов В. Р. Территориальные конфликты и перспектива изменения границ на африканском континенте // . — 2014. — 1. — С. 28–39. DOI: 10.7256/.2014.1.13041.

17. Ди Грегорио А. Vetting in post-authoritarian societies: a proposal of classification from the point of view of comparative law // . — 2014. — 1. — С. 7–27. DOI: 10.7256/.2014.1.12941.
18. Манойло А. В. Color revolutions: theory and practice of modern political regimes dismantling // . — 2014. — 1. — С. 40–47. DOI: 10.7256/.2014.1.13519.
19. Ракитянский Н. М., Зинченко М. С. Ментально-политическая экспансия исламизма на Северном Кавказе // Конфликтология / nota bene. — 2014. — 1. — С. 140–155. DOI: 10.7256/.2014.1.13048.
20. Д. Ю. Базаркина Корни этнорелигиозного терроризма в Европейском Союзе и Латинской Америке: общее и особенное // Международные отношения. — 2012. — 1. — С. 54–59.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. <http://recherche.yougov.fr/news/2015/01/15/resultats-du-barometre-yougov-france-le-huffington/>
2. http://www.ifop.com/?option=com_publication&type=poll&id=2905
3. Filippova E. I. Frantsuzy, musul'mane: v chem problema? Etnograficheskoe obozrenie, 2005, № 3.
4. Filippova E. I., Filippov V. R. Gosudarstvo i obshchestvo pered litsom sotsial'nogo krizisa (dve paradigmy: rossiiskaya i frantsuzskaya). V kn.: Tishkov V. A., Filippova E. I. (otv. red.). Etnicheskaya situatsiya i konflikty v stranakh SNG i Baltii Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov. 2005. Moskva, 2006. S. 12–25.
5. Filippova E. I. Vliyaniye nauchnogo diskursa na protsessy identifikatsii i samoidentifikatsii naseleniya (po povodu sobytiya oseni 2005 goda vo Frantsii i ikh osveshcheniya vo frantsuzskoi i rossiiskoi pechati). V kn. Amelin V. V. (otv. red.). Etnicheskii faktor v mnogonatsional'nom prigranichnom regione. Orenburg, 2007. S. 110–122.
6. Filippova E. I. Chto proiskhodit vo Frantsii // Byulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov. 2005. № 63. S. 7–8.
7. http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?id=3131*_id=0
8. <https://fr.news.yahoo.com/surprise-banlieue-peu-manifest%C3%A9-selon-acteur-associatif-163839237.html>
9. Abd Al Malik. Qu'Allah benisse la France. Edition Kindle. P. 1203
10. <http://www.leparisien.fr/societe/education-nationale-t-es-pour-les-terroristes-ou-pour-les-francais-13-01-2015-4442823.php>
11. ' Libération ', 12.01.2015. P. 10
12. Castel R. La discrimination négative Le déficit de citoyenneté des jeunes de banlieue. Annales. Histoire, Sciences Sociales 2006/4. P. 777–808
13. http://www.territoires.gouv.fr/IMG/pdf/dossier_de_presse-nouvelle_politique_de_la_ville.Pdf
14. <http://blog.educpros.fr/Jean-Michel-Zakhartchouk/2015/01/09/je-suis-charlie-bien-sur-mais-que-faire-a-lecole/>
15. http://www.lexpress.fr/actualite/societe/boualem-sansal-a-ce-point-la-passivite-des-musulmans-est-mortelle_1640086.html#usXfY3Egd300DO6R.99
16. Filippov V. R. Territorial'nye konflikty i perspektiva izmeneniya granits na afrikanskom kontinente // . — 2014. — 1. — С. 28–39. DOI: 10.7256/.2014.1.13041.
17. Di Gregorio A. Vetting in post-authoritarian societies: a proposal of classification from the point of view of comparative law // . — 2014. — 1. — С. 7–27. DOI: 10.7256/.2014.1.12941.
18. Manoilo A. V. Color revolutions: theory and practice of modern political regimes dismantling // . — 2014. — 1. — С. 40–47. DOI: 10.7256/.2014.1.13519.
19. Rakityanskii N. M., Zinchenko M. S. Mental'no-politicheskaya ekspansiya islamizma na Severnom Kavkaze // Konfliktologiya / nota bene. — 2014. — 1. — С. 140–155. DOI: 10.7256/.2014.1.13048.
20. D. Yu. Bazarkina Kornii etnoreligioznogo terrorizma v Evropeiskom Soyuze i Latinskoi Amerike: obshchee i osobennoe // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2012. — 1. — С. 54–59.